

Семья Сюй в прошлом славилась своей роскошью, и я помню, как в детстве у нас часто устраивали банкеты. Только в последние два года, когда власти начали строго проверять, они стали более сдержанными. В то время семья Ян только начинала переходить в сферу недвижимости, и чтобы быть ближе к политике, они часто общались со старым господином Сюй. Именно тогда я встретил Ян Чэня. Он был того же возраста, что и я, в черном костюме, с аккуратно уложенными волосами. Уже тогда его черты лица были выдающимися, холодными и гордыми, и он стоял рядом с Сюй Юйчжуном, принимая похвалы от старших.

Я затащил Сюй Юйчэна во двор воровать птичьи яйца, договорившись, что он будет ждать меня под деревом. Но когда я спустился, там стоял только тот мальчик в черном костюме, спокойно смотрящий на меня. На мне тоже был костюм на заказ, но я снял пиджак и завязал его вокруг талии, чтобы не разбить яйца, а рубашка порвалась о ветки, так что я выглядел как маленькая обезьянка, вероятно, довольно жалко.

— Не говори никому! — вырвалось у меня, когда он повернулся, чтобы уйти. — Эй, тебе говорю!

Он остановился, повернулся ко мне и наклонил голову:

— Ты ведь и так выйдешь и тебя заметят?

Хотя у меня и была нарядная одежда для банкета, на самом деле никто не обращал внимания, появляюсь ли я, или, скорее, они предпочли бы, чтобы я не появлялся, чтобы не испортить им настроение. Я тогда еще не мог спокойно относиться к таким вещам и с раздражением сказал:

— Просто не говори никому, у меня свои способы.

Он заинтересовался, скрестив руки на груди:

— Какие способы?

— Ну... — Я начал озираться по сторонам, на самом деле просто хотел похвастаться, чтобы скрыть неловкий факт, что меня никто не замечает. — Ладно, не лезь, просто держи язык за зубами!

Он пожал плечами и уже собирался уйти, но вдруг вспомнил что-то, вернулся и подошел ко мне, снял свой черный пиджак и накинул его мне на плечи, чтобы скрыть дыры на рубашке:

— Вот, держи.

Я замер на месте, а он взял маленькое птичье яйцо из моих рук и улыбнулся с легкой детской улыбкой:

— Считай, что ты обменял его на это.

Я смотрел на него, ошеломленный, и только когда он уже почти вышел из двора, крикнул:

— Эй! Как тебя зовут?

Он был в белой рубашке, примерно одного со мной роста, и в нем чувствовалась та самая юношеская гордость, которая была у мальчиков в его возрасте. Он отличался от тех гениев, которых я видел, будь то Сюй Юйчэн или Андрей, которые были слишком рано повзрослевшими. Никто не был таким живым и ярким, как он, словно ветка, которая весной бурно растет.

— Меня зовут Ян Чэнь! — Он помахал мне рукой, а в другой руке осторожно держал птичье яйцо. — Увидимся позже!

В тот вечер я так и не появился на банкете, потому что одна из теток увидела меня, покрытого пылью, отругала, отправила в свою комнату и запретила ужинать в наказание за непослушание. Я привычно достал еду, которую хранил под шкафом, разорвал пакет с хлебом и жевал его без вкуса, с легкой улыбкой вспоминая, как она злилась.

Снова голодание, но это даже к лучшему, ведь мои запасы регулярно съедались, чтобы не пропадали.

В темноте комнаты я спокойно утешал себя, но хлеб во рту вдруг стал соленым. Когда я потрогал лицо, то понял, что оно было в слезах. Черный пиджак лежал у меня на коленях, и я прижался лицом к мягкой ткани, вдыхая легкий аромат, который, казалось, сохранил тепло тела мальчика.

Когда я открыл глаза, то заметил на пиджаке изящную брошь — круглую жемчужину в оправе из бриллиантов, которая выглядела очень дорого. Я мягко поцеловал центральную жемчужину.

Жемчужина была чистой и безупречной, а я никогда не смогу стать таким.

Даже если эта брошь была достаточно дорогой, для него это была всего лишь безделушка. Ян Чэнь давно меня забыл, а может быть, и вовсе не помнил. В старшей школе мы говорили не больше трех фраз, вероятно, что-то вроде «разрешите» или «извините», и только в последнем классе, когда он стал моим соседом по парте, мое имя появилось в его сознании.

Я не понимал, почему он захотел переспать со мной, но в тот вечер в темной комнате брошь вдруг всплыла в моей памяти, ослепительно белая и совершенная, и я, как будто под гипнозом, согласился.

Я взял отгул, и Ян Чэнь, как обычно, провел меня в отель, даже не нужно было регистрироваться на ресепшене, потому что этот отель принадлежал его семье. Это избавило меня от многих проблем, например, от того, что у меня не было с собой паспорта, или от того, что я был в уродливой и старомодной школьной форме, а в рюкзаке лежали потрепанные тетради и тесты, которые нужно было сделать сегодня.

Это был мой первый раз, и я был настолько неопытен, что почти паниковал. Ян Чэнь ворчал:

— Если бы знал, что ты девственник, я бы даже не связался, слишком много хлопот.

Но он сделал достаточно долгие прелюдии, так что мне было не очень больно, просто я чувствовал себя неловко, настолько неловко, что на кровати я неудачно заплакал.

Я сам не знал, почему плакал, как в детстве, когда внутри было спокойно. Просто слезы не могли удержаться и капали на простыню. Мы занимались сексом в позиции сзади, и я услышал, как Ян Чэнь вздохнул, потянул меня за руку и повернул лицом к себе. Я поспешно закрыл глаза руками, но он схватил меня за запястье и прижал.

— Слабак. — Он фыркнул, обнял меня за талию и толкнул сильнее, сладострастная дрожь разлилась по всему телу. — У меня что, техника такая плохая?

Жестоко и нежно. В тот вечер мы занимались сексом три раза, Ян Чэнь не использовал презерватив, и когда я приводил себя в порядок, у меня уже болел живот, но я все равно

достал домашнее задание, чтобы сделать его в отеле. Ян Чэнь смотрел на меня как на чудовище, выпустил дым и облокотился на изголовье кровати:

— Черт, у тебя еще есть силы делать домашку?

— Я хочу поступить в хороший университет, и учитель английского завтра будет разбирать тест, который я еще не сделал. — Я терпел дискомфорт от того, что меня слишком сильно растянули, и легкую боль в животе. — Я должен закончить это — если я тебе мешаю, могу сделать дома...

— Ты что, псих? Только что переспали, и ты уже уходишь, я что, такой злой? — Он подошел ко мне и с самодовольным видом выпустил дым мне в лицо. Я посмотрел на него сквозь дым, оставаясь невозмутимым. — Еще и дышишь, как нечем дышать, как не кашляешь?

Я отвернулся и открыл тетрадь:

— Я умею курить, ты меня не задушишь.

— Не угадал, хорошист. — Он любил носить только брюки, оставляя торс обнаженным, и лениво сказал. — Хочешь одну?

— Нет, не мешай мне, я делаю задания по чтению. — Я был немного раздражен, после секса мысли разбегались, и я не мог сосредоточиться на вопросах. — Ложись спать.

Ян Чэнь замолчал, и когда я закончил задание и обернулся, он стянул простыню и действительно обиженно закутался в одеяло. Я улыбнулся и продолжил делать задания.

Позже я подумал, что даже если бы мы говорили всю ночь, а не думали об учебе, что бы это изменило? Даже если бы я сдал экзамены лучше, право выбора университета все равно было бы не в моих руках.

Но я упустил тот вечер, просто молча писал задания при свете отеля.

Я сказал Ян Чэню, что могу встречаться с ним по средам и субботам, потому что в среду у нас физкультура, а в субботу нет вечерних занятий.

Когда он услышал это, он курил на крыше, а я стоял перед ним, серьезно объясняя причину. Он прищурился, не знаю, слушал ли он, и сквозь дым вдруг сказал:

— Ты загораживаешь мне солнце.

Я отошел в сторону, почти с завистью глядя, как он лениво потягивается, обнажая красивые мышцы, как у стройного леопарда. Он медленно докурил сигарету и сказал:

— Ладно, я все равно не всегда свободен для тебя.

Итак, мы договорились о времени, и я находил предлог, чтобы отпроситься из школы или сбежать и встретиться с Ян Чэнем. Затем он вел меня в отель, чтобы заняться сексом, иногда мы меняли место — мотели, заброшенные здания, раздевалки за спортзалом, даже туалетные кабинки в школе, где он мог снять с меня штаны, поставив табличку «Уборка».

Мы занимались сексом во всех тех местах, которые были тайными и абсурдными в мечтах подростков, с безумными поцелуями и глубокими объятиями.

<http://bllate.org/book/16832/1548316>